

Медель, 1985, 11 фев. № 7

Во время моей работы в МХАТе 2-м я начала выступать на эстраде...

Читала произведения Чехова. Накапливала опыт общения с публикой, но, главное, общалась с большими артистами — Блюменталь-Тамариной, Яхонтовым, Рудиным и Корфом, Межинским и Петкером, Борисовым. Драматические артисты тогда выступали не с отрывками из спектаклей, а со специальным концертным репертуаром — скетчами, песенками, рассказами. Было у кого поучиться и манере поведения, и интеллигентности, и скромности. Никогда за кулисами не возникали споры — кто за кем идет. Никто никуда не спешил, не бежал, ибо к выступлению на эстраде относились не менее серьезно, чем к спектаклю, понимая, что на концерте их смотрит тот же зритель, что и в театре. И старались не уронить престижа, достоинства артиста, не запятнать свою профессиональную честь...

Примерно в это же время познакомилась и подружилась с молодым артистом театра «Комедия» (бывш. Корш) Василием Осиповичем Топорковым и его женой Наташей, тоже актрисой. Они жили в бывшей дворницкой театра, и к ним в комнату попадали прямо со двора.

После спектаклей мы засиживались у Топорковых за чаем и вели нескончаемые разговоры. Васечка — так я его уже называла — стал моим первым партнером на эстраде в написанном им скетче: убежденный холостяк нанимал домработницу, которая быстро его на себе женила.

Играть с Топорковым было очень весело и интересно, потому что он постоянно импровизировал и приходилось всегда быть начеку, чтобы суметь ответить на его неожиданные вопросы.

Едва начал выступать в концертах, я поняла, что самой главной заботой будет репертуар. Если артист, выступающий на эстраде, хочет быть «в своем репертуаре», он должен постоянно искать новые, интересные, оригинальные литературные произведения. Я думала об этом, потому что, откровенно говоря, эстрадные выступления пришлись мне по душе. Но Топорков из-за большой загруженности в театре часто выступать в концертах не мог. Однако пример его оказался заразительным, и я сама решила написать для себя номер.

Как я уже говорила, Б. В. Щукин учил меня присматриваться к людям и подмечать особенности их облика, поведения и характера, а я ревностно следовала его советам. И вот однажды в гостях познакомилась с балериной кордебалета Большого театра, которую звали Капа. Миловидная, в сверхмодном туалете, она непрерывно говорила по телефону. Казалось, она пришла не в гости, а на разговорный пункт. По привычке я сразу же уловила ее шепелявость. Танцевать это ей не мешало, но характерность была довольно смешной.

На следующий день, придя на репетицию, я показала Капу своим товарищам. Они стали меня уговаривать выступить с ней на очередном «понеделнике». Сначала я отказалась, но по дороге домой мне припомнились какие-то смешные фразы Капы, а вслед за тем придумалось и их продолжение. Неожиданно для себя я стала думать о ней постоянно, и дело кончилось тем, что на очередном «понеделнике» в январе 1928 года я впервые вышла в этом образе на сцену.

Такого успеха я не ожидала. Смех в зале не смолкал. Меня стали уверять, что это готовый эстрадный номер, в чем я совсем не была уверена. Так, шутка, пустичок для «капустника». Если действительно делать из Капы номер — надо многое продумать и доработать. И главное — написать весь разговор по телефону с несуществующим партнером. Все вопросы и все ответы. Этим я и занялась с большим увлечением.

И вот настал день, когда я рискнула показать Капу публике. И снова — огромный успех. Я стала постоянно включать этот номер в концертный репертуар, и уже на публике, согласно с ее реакцией, что-то доделывала и уточняла.

Один из концертов вел М. Н. Гаркави. Мы уже были друзьями и называли друг друга «Миша» и «Маша». Он поцеловал меня за мою «Капу», назвал «юмористкой», что, по правде, не очень мне понравилось. А через несколько дней я получила приглашение выступить в Колонном зале Дома союзов. В те годы на сцене этого зала можно было слышать божественную Обухову, великого Качалова, неповторимого Козловского, замечательно Хенкина, царственную Тамару Церетели.

Я навсегда запомнила этот день — 10 февраля 1928 года, когда на сцену Колонного зала вышел Михаил Гаркави и представил меня публике:

— У нас долгое время существовала,

«В своем репертуаре» — так называется книга, только что вышедшая в издательстве «Искусство». Ее написали замечательные актеры-сатирики Мария Миронова и Александр Менакер — дуэт, составивший целую эпоху в жизни советской эстрады. Сегодня мы хотим познакомить наших читателей с отрывком из воспоминаний М. Мироновой, относящимся к 20-м годам, к началу творческого пути актрисы.

Но сначала — наши вопросы автору.
— Мария Владимировна, откройте вашу семейную и творческую тайну: кто в вашем дуэте был глава?

— Дуэт наш назывался «Мария Миронова и Александр Менакер», но это несправедливо. Имя Менакера должно было бы стоять на первом месте. Именно он был главой и творческим руководителем нашего дуэта. Когда эстрадный актер предоставлен сам себе, ему просто не выплыть из этого огромного моря под названием «эстрада». Он там затеряется, если нет человека, который подскажет, научит, покажет. Таким человеком и был для меня Александр Менакер — режиссер, партнер, друг.

У нас была уникальная семья. Наш сын никогда не слышал, чтобы мы повысили голос. И еще. За 44 года, что мы были вместе — согласитесь, срок для семейной жизни немалый, — мне ни разу не было скучно.

— Да, мне не приходилось читать воспоминаний вашего дуэта, как вы все же сумели написать книгу вдвоем? Братья Гонкур, Ильф и Петров рассказали миру, насколько это сложно — писать дуэтом. Тем более мемуары.

— Да, мне не приходилось читать воспоминаний, написанных двумя авторами. Дуэтом писали пьесы, романы, стихи. Но и мы не хотели свою книгу, что называется, «играть в четыре руки». Ведь у каждого из нас была своя юность, свои размышления о жизни. Поэтому пусть читатель будет готов к тому, что в одних главах вспоминает Миронова, в других Менакер, а что-то мы вспоминаем вместе.

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫЕ...

Мария МИРОНОВА

с моей точки зрения, вредная теория: считали, что юмор — это достояние чисто мужского творчества. Полагали, что мужчина еще может вызвать смех, а женщина — нет, только слезы. Но теперь, в годы первой пятилетки, мы воочию убедились, что появляются женщины, от которых насмеешься, и мужчины, от которых наплачешься. Вот почему я с особым удовольствием впервые приглашаю на эту сцену представительницу женского юмора. Это молодая актриса МХАТ Второго Мария Миронова. Маша, прошу!

И в Колонном зале «Капа» имела успех. Это многое решило в моей дальнейшей жизни. Какое-то время я выступала с этим номером, но потом решила, что по телефону может говорить не только такая вот Капа. По телефону может говорить любой человек, с любым характером. И тогда придумала себе еще одну героиню — Дусю, из той же породы мещанок, но отличавшуюся от Капы манерами и характером. Ее я наделила хроническим насморком. Она говорила «билый» вместо «милый», «Диколай» вместо «Николай», «боя баба», вместо «моя мама», «дасморк» вместо «насморк».

Не было случая, чтобы моих телефонных болтушек зритель принял равнодушно. И тогда у меня возникла мысль, что таких телефонных разговоров может быть целая серия. Надо только сделать своих персонажей не похожими друг на друга. Появилась у меня, например, молодая женщина без имени, которая разговаривала по телефону, прижимая несуществующую трубку к уху плечом, руками «вязала» на спицах.

— Скажите, пожалуйста, — говорила она, проворно шевеля пальцами, — это Первый Обыденский переулок, дом четыре, квартира сорок два? Будьте любезны, попросите, пожалуйста, из Второго Обыденского, одиннадцатый, квартира сорок шесть, Елизавету Ивановну Мухину, — после этого она переключивала «трубку» к другому уху и «вязала», дожидаясь, пока из Первого Обыденского дойдут до Второго и приведут Лизу Мухину. Через тридцать — сорок секунд в зале раздавался

смех — зрители начинали реально представлять, как одна идиотка может об этом просить, а другая это исполнить. Ситуация была вполне реальная: в то время телефонов в Москве было очень мало и часто звали к телефону людей из других квартир.

Смех нарастал, и тут важно было не переждать. Почувствовав, что через долю секунды смех начнет спадать, я говорила в трубку: «Лизанька, это я, здравствуй, голубчик. Как живу — не спрашивай. Целый день ношушь по городу — не могу человеческого мяса найти, все жилы да кости».

Или другой телефонный разговор, который я тоже написала себе сама и называла для себя «Варька из кишечного».

— Это бойня? Да? Попросите, пожалуйста, Варьку из кишечного. Нет, не рожую. Черную. У нее халат в крапинку...

Телефонные разговоры пользовались успехом не только у зрителей, но и у писателей-юмористов. Многие хотели писать для меня монологи. Дмитрий Борисович Урюмов, известный эстрадный автор, остроумный фельетон которого «Костя Шариков» с большим успехом читал тогда Хенкин, видел меня в концертах и тоже решил написать для меня — и появился в моем репертуаре «репортаж» из движущегося дома.

Тогда на улице Горького передвигали здание глазной больницы и жилой дом. И вот одна из моих Кап, разговаривая с приятельницей по телефону из движущегося дома, информировала ее обо всем, что ту интересовало: «Проезжаем комис-

сионку, — сообщала она, — сейчас посмотрю. Нет, по-моему, сегодня ничего интересного нет». По теме монолог был очень актуальным. Злободневным был и образ обязательницы. Ведь в это же самое время Ильф и Петров создали свою Эллочку-подоедку, а несколько позже появилась на свет и Жозя, героиня фельетона Льва Кассиля «Румба», в котором подобного рода барышни были названы «девушками «при». Самые разные типы обязательниц появлялись в моих «Телефонных разговорах», однако до сегодняшнего дня дожила только Капа (я все еще исполняю ее иногда в концертах), наиболее яркое порождение своего времени — обязательница и мещанка, черты которой, видоизменяясь, не переменились в людях до сих пор. Капы модернизируются, но не умирают. Наверно, живучесть номера именно этим и можно объяснить.

«Подслушанные телефонные разговоры» в моей актерской судьбе сыграли большую роль. Именно благодаря им я получила в «Эрмитаже» самостоятельную

ленту, то есть индивидуальную афишу, на которой мое имя было напечатано большими буквами. Такую афишу получали далеко не все.

Эта форма разговоров, как я уже говорила, оказалась очень емкой, и я использовала ее довольно долго. Последним монологом была сценка «У актерского подъезда», написанная Вл. Поляковым.

Во все времена у артистов были поклонники. В конце тридцатых годов поклонников, но особенно поклонниц, появилось несметное множество, и вели они себя так, что их иначе и не называли, как психопатками. Они неистово аплодировали и кричали на спектаклях, поджидали артистов у подъездов домов и актерских входов, сопровождали их, словно конвой, на улице, съедали снежные следы своих кумиров. Иногда они становились просто опасными в своей невменяемости. Бороться с ними было почти невозможно. Оставалось одно — высмеивать. И Владимир Поляков это сделал.

На сцене рядом с актерским подъездом стояла телефонная будка. А в ней поклонница Козловского по имени Киса — существо с красным носом и хриплым голосом, в шубе, обмотанное тельным платком. В ожидании выхода кумира Киса разговаривала с приятельницей, поклонницей другого певца. Она рассказывала о своих «достижениях» — ей удалось съесть кусок снега из-под ноги «Козла» — и поэтому она охрипла.

Большим достоинством текста Полякова было то, что сам ход мыслей, сочетания слов, даже ударения (Киса, например, говорила, что дома у нее не работает телефон, потому что «кабель сгорел в земле») разоблачали ее невежество, глупость, пустоту души.

Монолог пользовался большим успехом, но после него я почувствовала, что дальше эксплуатировать эту форму не следует. Она может приестся. А мне этого очень не хотелось: как актриса я любила этих своих никчемных созданий. Эстрадный артист должен быть чутким к такого рода вещам и стараться не допускать перебора.

Вскоре стали говорить и писать, что у меня есть своя маска. Знаю, в этом слове нет ничего предосудительного, это просто термин, обозначающий определенное явление на эстраде или в кино, но мне почему-то оно никогда не нравилось и я никогда с ним не соглашалась, даже обижалась, когда говорили, что я выступаю в маске. Понятие «маска» вызывает в моем воображении нечто застывшее, неподвижное, зафиксированное раз и навсегда. Своих же «героинь» я ощущала живыми людьми — причудливыми, смешными, глупыми, но по своему старающимися не отстать от жизни и даже чувствовать себя по-хозяйски в своем нелепом и ограниченном мире. Меня привлекало в них именно разнообразие. И единственно, что было постоянным, — это мое личное, мироновское отношение к персонажам. Я всегда надеялась, верила — зрители понимают, что я смеюсь над недостатками во имя их искоренения...

● Знаменитые артисты у себя дома.